

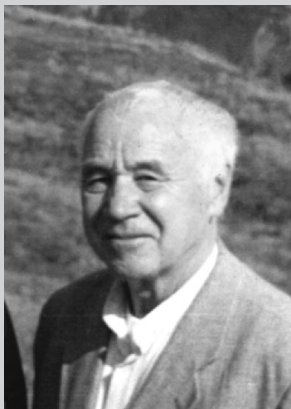
бытия.

И вот когда бережно-созерцательный взгляд уходит от внешних отношений с социумом, то «земля тюменская» открываются ему как пространство и воля; как незанятость, незакреплённость, незаполненность, как место для будущего и

будущей свободы; как место где «всё возможно» (М.М. Пришвин), где «бесформенность, хаос, но всё же лик». И гораздо понятнее становятся слова О.Шпенглера о восходе сибирской цивилизации или рассуждения В.Шубарта об исповедании русско-сибирской оценки мира.

РУССКАЯ КУЛЬТУРА: ЧТО ПРОИЗОШЛО, КОГДА НЕ СТАЛО ДИСКУРСА «МЫ» И «ОНИ»?

Б.В. Емельянов

Емельянов Борис Владимирович
доктор философских наук, профессор
Уральского государственного университета
им. А.М.Горького

E-mail:
emeljan@r66.ru

Считается, что в менталитете русского народа общее (общинное), соборное, хоровое начало превалирует. Сильны в нем были и диалоговые традиции. Именно эта сторона духовной культуры русского народа наиболее исследована и является в настоящее время в какой-то степени модной исследовательской проблемой. Однако существовала и другая традиция, линия мировосприятия, в основе которой лежало деление на «Мы» («свои») и «они» («Чужие»). И это был уже не диалог, а противостояние.

Это противостояние имело как политические, так и мировоззренческие основания. Хотя началось оно с принятием христианства, которое в основе своей было насильственной заменой веками бытовавшей языческой веры и культуры новой, «чужой», пришедшей из Византии верой и культурой, это сторона отечественной культуры мало изучена. И понятно, почему: она не делает чести русской культуре, мы ее стыдимся, поскольку это противостояние, политические судьбы русской культуры вписали в ее историю печальные а порой - трагические страницы. Считаю возможным утверждать, что история отечественной культуры в дискурсе «мы» и «они» является актуальной, малоизученной проблемой.

Наиболее выпукло и бескомпромиссно этот дискурс проявил себя в русской культуре первой четверти XX века, приобретя публицистическое выражение в формуле «от серебряного века к железному».

Еще до революции 1917 г. в стране противостояние различных идейных, и философских направлений общественной мысли приобрело непримиримых антагонизмов. Самодержавие и православная церковь силой принадлежащей им государственной машины отстаивали незыблемость постулатов своего существования. Любые посягательства на них жесточайше преследовались. Одним из ярких примеров такого противостояния являлось отлучение в 1901 г. от церкви Л.Н. Толстого (См.: Позойский С. К истории отлучения Льва Толстого от церкви. М., 1979). Борьба церкви с «инакомыслием» на поле отечественной культуры - это особая и во многом еще малоисследованная тема. Кредо церкви «веровать, но не умствовать» означало неприятие любого свободомыслия, любого недогматического толкования ее постулатов. Неудивительно, что церковь не просто потеряла авторитет, от нее отвернулись, ушли, кто в марксизм, кто в мистику и масонство лучшие представители русской культуры.

С другой стороны баррикад, разделявших русскую культуру на «своих и «чужих», были радикальные силы русской интеллигенции, объединившие в своих рядах талантливейших представителей русской культуры. Им была присущая уверенность, что только они обладают знанием того, что нужно России, ее народу и культуре. Их радикализм по отношению к официальной идеологии и культуре выражался в бескомпромиссных суждениях по отношению к идейным противникам. Как писал А.И. Герцен еще в 1850 г., «из них учреждена своя радикальная инквизиция, свой ценз для идей» (Герцен А.И. Собр. соч.: В 30 т. М., 1959. Т.5. С.202). Леворадикальная линия развития отечественной культуры (революционные демократы, народники, большевики) отличалась критикой и неприятием официальной культуры. Ее кредо «кто не с нами, тот против нас» сформулировано В.И. Лениным в статье «Партийная организация и партийная литература» (1905), а картина воплощения его на практике представляла мозаику лозунгов «долой вашу любовь», «долой ваше искусство», «долой ваш строй», «долой вашу религию» (Маяковский В.В. Полн. собр. соч. М., 1959. Т. 12. С.7). Эти лозунги «левых» деятелей культуры

пытались воплотить в жизнь после революции пролеткультовцы, которые начали диктовать обществу свое понимание путей развития культуры, связывая их с требованием «искусство для народа». Любые иные, даже классические формы проявления культуры, не отвечающие этим требованиям, отменялись. Установленное ими противостояние «мы» (победившие) и «они» (проигравшие) было на руку идеологам большевизма, установивших, в конце концов, жесткий авторитаризм «диктатуры пролетариата в искусстве». Отечественная культура потеряла свою цельность, стала однолинейно-партийной.

Как это ни парадоксально, в отечественной культуре поменялись знаки: то, что до революции утверждалось, стало отрицаться. И наоборот. Как писал Н.А. Бердяев, «революция слишком часто заражается тем духом, против которого борется, один деспотизм порождает другой деспотизм, одна полиция - другую, вандализм реакции порождает вандализм революции» (Бердяев Н.А. О русских классиках. М., 1993. С. 255).

После революции «воинствующий коммунизм и марксизм» (формула М.Н. Покровского) начал наступление на «буржуазную культуру» по всему фронту, включив в борьбу с ней репрессивный аппарат государственной власти в лице цензуры. К примеру, тотальной чистке были подвергнуты фонды всех библиотек. Из них были изъяты произведения, не соответствующие марксистской идеологии. Дело доходило до парадоксов. По приказу Н.К. Крупской, отвечавшей в Наркомпросе за чистку библиотек, чтобы оградить детей от чуждой идеологии, из библиотек были изъяты сказки, потому что «в сказках бывает так много недоговоренного, намеков, и то, на что намекается, может казаться таким красивым, заманчивым, а на деле является ядовитой и вредной пищей для детского ума!» (Крупская Н.К. О библиотечном деле. М., 1983. Т.2. С. 285).

В высших учебных заведениях началась повсеместная чистка преподавательского состава. От преподавания была отстранена большая часть «старой» профессуры, иные покинули страну добровольно, несколько десятков человек выслали за пределы России. Оставшихся решили «перековать», заставив сдавать «партминимум».

Аналогичные процессы происходили в литературе, где также начали навешивать ярлыки «не нужных революции» писателей. Такие ярлыки получили Ю. Айхенвальд, О. Мандельштам, В.

Лидин. А рупор партии В. Маяковский объявил «нулями», «никчемными, жалкими и смешными анахронизмами» А. Ахматову, Вяч. Иванова и других поэтов. Культура превратилась в арену классовой борьбы, которую возглавляла партия. По стране прокатилась «культурная революция», которая окончательно «подписала смертный приговор» всей «непролетарской» культуре. Позицию партии хорошо выразил все тот же В. Маяковский: «сейчас лозунг культурной революции становится одним из основных наших лозунгов. В слове «культура» и в слове «революция» имеется одно важное значение для вас: что революции нет без насилия, нет революции без насилия над старой системой понимания задач в области культуры, и вы, которые идете по проторенной дорожке старой культуры... вы себе подписываете смертный приговор» (Маяковский В.В. Поли. собр. соч. М., 1959. Т. 12. С. 458).

Но «рукописи не горят» и в дискурсе «мы» и «они» не может быть окончательной победы одной из сторон. Казалось, уничтоженные ростки отечественной культуры ожили и стали развиваться в зарубежье, а в России появилась «катакомбная» (В. Брюсов) культура. Хотя и «в стол», но продолжали писать статьи и книги Я. Голосовкер, М. Бахтин, А. Платонов, Б. Пастернак, М. Булгаков, А. Ахматова, М. Пришвин и многие другие. Эти деятели русской культуры не просто продолжали творить. Их особенность состояла в том, что «они не нуждались ни в эзоповом языке, ни, тем более, в официальном новоязе». Они строили объективно противостоящую официозу науку, философию, искусство. Развитие русской культуры, несмотря на все катаклизмы революционных преобразований, продолжалось.

А затем наступила перестройка, рухнула марксистская моноидеология, выкованная «из единого куска стали» и расцвели все цветы. Дискурс «мы» («свои») и «они» («чужие») потускнел. Повсеместно - в монографиях и учебных курсах, статьях и диссертациях стала демонстрироваться концептуальная всеядность, нарочитая безыдейность, агрессивное дилетанство.

Былая идейность и прокламируемая партийность в философии, в которых была своя правда, ушла в прошлое, уступив место эклектизму. Своеобразный дискурс «принципа дополнительности», взятый сегодня на вооружение, означает, что каждый волен взять в качестве утверждения и дополнения своей позиции любое мировоззренческое утверждение, соединяя несоединимое.